

Франц Кафка

Малая проза
сборник

Перевод с немецкого
Соломона Апта

ФТМ

Франц Кафка

Малая проза (сборник)

«ФТМ»

Кафка Ф.

Малая проза (сборник) / Ф. Кафка — «ФТМ»,

Сборник «Малая проза» выдающегося писателя и философа – сложного, абсурдного и шокирующего Франца Кафки в переводе Соломона Константиновича Апта включает известнейшие рассказы, новеллы и повести, опубликованные уже после смерти писателя. В сборник вошли такие произведения, как «Мост», «Обыкновенная история», «Правда о Санчо Пансе», «Возвращение домой», «Прометей», «О притчах», а также другие менее известные неискушенному читателю новеллы и повести Франца Кафки.

© Кафка Ф.

© ФТМ

Содержание

Мост	5
Сосед	6
Воззвание	7
Новые лампы	8
Железнодорожные пассажиры	9
Обыкновенная история	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Франц Кафка

Малая проза (сборник)

Мост

Я был холодным и твердым, я был мостом, я лежал над пропастью. По эту сторону в землю вошли пальцы ног, по ту сторону – руки; я вцепился зубами в рассыпчатый суглинок. Фалды моего сюртука болтались у меня по бокам. Внизу шумел ледяной ручей, где водилась форель. Ни один турист не забредал на эту непроходимую кручу, мост еще не был обозначен на картах... Так я лежал и ждал; я поневоле должен был ждать. Не рухнув, ни один мост, коль скоро уж он воздвигнут, не перестает быть мостом.

Это случилось как-то под вечер – был ли то первый, был ли то тысячный вечер, не знаю: мои мысли шли всегда беспорядочно и всегда по кругу. Как-то под вечер летом ручей зажурчал глуше, и тут я услышал человеческие шаги! Ко мне, ко мне... Расправься, мост, послужи, брус без перил, выдержи того, кто тебе доверился. Неверность его походки смягчи незаметно, но, если он зашатается, покажи ему, на что ты способен, и, как некий горный бог, швырни его на ту сторону.

Он подошел, выстукал меня железным наконечником своей трости, затем поднял и поправил ею фалды моего сюртука. Он погрузил наконечник в мои взъерошенные волосы и долго не вынимал его оттуда, по-видимому дико озираясь по сторонам. А потом – я как раз уносился за ним в мечтах за горы и доли – он прыгнул обеими ногами на середину моего тела. Я содрогнулся от дикой боли, в полном неведении. Кто это был? Ребенок? Видение? Разбойник с большой дороги? Самоубийца? Искуситель? Разрушитель? И я стал поворачиваться, чтобы увидеть его... Мост поворачивается! Не успел я повернуться, как уже рухнул. Я рухнул и уже был изодран и проткнут заостренными голышами, которые всегда так приветливо глядели на меня из бурлящей воды.

Сосед

Мое дело целиком лежит на моих плечах. Две барышни с пишущими машинками и конторскими книгами в передней, моя комната с письменным столом, денежным ящиком, столом для совещаний, мягким креслом и телефоном – вот весь мой аппарат. Его так легко обозреть, им так легко управлять. Я совсем молод, и дела у меня сами идут. Я не жалуюсь, я не жалею.

С нового года один молодой человек без раздумий снял пустующую соседнюю квартиру, со съемом которой я, растяпа, так долго медлил. Тоже комната с передней, но, кроме того, и кухня. Комната и передняя мне не помешали бы, обе мои барышни иногда уже чувствовали чрезмерную нагрузку, – но на что мне нужна была кухня? Из-за этой закавычки я и упустил квартиру. Теперь там расположился этот молодой человек. Гаррас его фамилия. На двери табличка: «Гаррас, контора». Я навел справки, мне сказали, что это дело подобное моему. От предоставления ему кредита не то чтобы предостерегали, ведь речь шла о молодом, растущем человеке, у которого, возможно, есть будущее, однако не то чтобы и советовали предоставлять ему кредит, ибо в данный момент состояния, судя по всему, нет.

Иногда встречаю Гарраса на лестнице, по-видимому, он всегда чрезвычайно торопится, он буквально прошмыгивает мимо меня. Я его еще так и не разглядел хорошенько, ключ от конторы у него уже наготове в руке. Он мгновенно открывает дверь. Он улепetyивает как хвост крысы, и я снова стою перед табличкой «Гаррас, контора», хотя читал ее уже куда чаще, чем она того заслуживает.

Ах, эти убого тонкие стены, предающие человека, честно трудящегося, а нечестного укрывающие. Мой телефон висит на стене, которая отделяет меня от соседа. Однако я отмечаю это лишь как особенно иронический факт. Даже если бы он висел на противоположной стене, в соседней квартире было бы все слышно. Я отучился называть по телефону имена клиентов. Но не требуется, разумеется, большой хитрости, чтобы угадывать эти имена по характерным, но неизбежным поворотам разговора... Иногда я от беспокойства пляшу на цыпочках с наушником вокруг аппарата и все-таки не могу предотвратить разглашения тайн.

Конечно, из-за этого мои деловые решения становятся неуверенными, мой голос нетвердым. Что делает Гаррас, когда я говорю по телефону? Если бы я захотел сильно преувеличить – а это часто приходится делать, чтобы обрести ясность, – я мог бы сказать: Гаррасу телефон не нужен, он пользуется моим, он придвинул к стенке свой диванчик и слушает, а я, когда раздается звонок, должен бежать к телефону, выслушивать желания клиента, принимать важные решения, истово уговаривать – но тем самым прежде всего поневоле давать отчет Гаррасу через стенку.

Может быть, он даже не дожидается конца разговора, а поднимается после тех слов, которые достаточно прояснили ему дело, мечется по своему обыкновению по городу и, прежде чем я повешу трубку, уже, может быть, начинает действовать против меня.

Воззвание

В нашем доме, в этом чудовищном доме в предместье, густонаселенной громадине, проросшей неистребимыми средневековыми руинами, сегодня, туманным ледяным зимним утром, было распространено следующее воззвание:

«Всем моим соседям по дому.

У меня есть пять детских ружей. Они висят у меня в шкафу, на каждом крючке по одному. Первое принадлежит мне, заявку на другие может подать кто пожелает. Если заявок окажется больше чем четыре, лишние должны будут принести свои собственные ружья и сложить их в моем шкафу. Ибо нужно единообразие, без единообразия мы вперед не продвинемся. Кстати сказать, все мои ружья ни для чего прочего не пригодны, механизм испорчен, затычка оторвана, только курки еще щелкают. Нетрудно будет, значит, добыть, если понадобится, добавочные ружья. Но, в сущности, на первое время мне подойдут и люди без ружей. В решающий миг мы, обладающие ружьями, поместим невооруженных в середине. Эта тактика оправдала себя в войне первых американских фермеров против индейцев, почему же ей не оправдать себя и здесь, ведь обстоятельства сходны. Можно, значит, на какой-то срок вообще отказаться от ружей, и даже эти пять ружей нужны не обязательно, но раз уж они налицо, их следует применить. Если же четверо других не захотят носить их, то пусть и не носят. Тогда я один, как вождь, буду носить ружье. Но у нас не должно быть вождя, поэтому я свое ружье сломаю или спрячу».

Это было первое воззвание. В нашем доме ни у кого нет ни времени, ни охоты читать воззвания, а тем более обдумывать. Вскоре мелкие клочки бумаги плавали в потоке грязи, который идет с чердака, получает пополнение из всех коридоров, стекает по лестнице и там борется с встречным потоком, накатывающим снизу. Но через неделю появилось второе воззвание:

«Соседи по дому!

Никто до сих пор ко мне не являлся. Я непрерывно, отлучаясь лишь из-за необходимости зарабатывать на жизнь, находился дома, а в мое отсутствие, во время которого дверь моей комнаты всегда оставалась открытой, на столе у меня лежал листок, где мог записаться каждый желающий. Никто этого не сделал».

Новые лампы

Вчера я впервые был в канцеляриях дирекции. Наша ночная смена выбрала меня доверенным лицом, и, поскольку конструкция и заправка наших ламп оставляет желать лучшего, я должен был добиться там устранения этого неудобства. Мне показали кабинет, куда следует обращаться, я постучался и вошел. Хрупкий молодой человек, очень бледный, улыбнулся мне из-за большого письменного стола. Он долго, слишком долго кивал головой. Я не знал, сесть ли мне, там стояло второе кресло, но я подумал, что, может быть, не следует мне сразу садиться в свой первый приход, и потому изложил дело стоя. Но как раз этой скромностью я, по-видимому, поставил молодого человека в затруднительное положение, ибо он должен был поворачивать лицо ко мне и вверх, если не хотел переставить свое кресло, а этого он не хотел. С другой стороны, при всем желании ему не удавалось повернуть шею полностью, и потому во время моего рассказа он на полпути поднимал глаза наискось к потолку, а я непроизвольно тоже. Когда я кончил, он медленно встал, похлопал меня по плечу, сказал: «Так-так, так-так», – и подтолкнул меня в соседнюю комнату, где какой-то господин с лохматой бородой явно ждал нас, ибо на его столе не было и следа какой-нибудь работы, а открытая стеклянная дверь вела в садик со множеством цветов и кустов. Маленькой, в несколько слов информации, которую молодой человек прошептал ему, хватило этому господину, чтобы понять наши многочисленные жалобы. Он тотчас встал и сказал: «Итак, дорогой...» – он запнулся, я подумал, что он хочет узнать мою фамилию, и уже открыл рот, чтобы представиться повторно, но он прервал меня: «Да, да, ладно, ладно, я тебя прекрасно знаю... итак, твоя или ваша просьба, конечно, справедлива, и я, и господа из дирекции, конечно же, понимаем это. Благо людей, поверь мне, важнее нам, чем благо производства. Да и как же иначе? Производство можно всегда наладить заново, дело только за деньгами, к черту деньги, а если человек погибнет, то погибнет именно человек, остаются вдова, дети. Ах, Боже мой! Поэтому любое предложение ввести новое предохранительное устройство, новое облегчение, новое приспособление, новые удобства мы всячески приветствуем. Кто его вносит, тот наш человек. Ты, значит, оставишь нам здесь свои заявки, мы в них разберемся, если можно будет внедрить заодно еще какое-нибудь блестящее новшество, мы, конечно, не преминем это сделать, и как только все будет готово, вы получите новые лампы. А своим там внизу скажи: пока мы не превратим ваши штольни в салоны, мы здесь не успокоимся, и если вы не начнете наконец погибать в лакированных башмаках, то не успокоимся вообще. Засим всех благ!»

Железнодорожные пассажиры

Если поглядеть на нас просто, по-житейски, мы находимся в положении пассажиров, попавших в крушение в длинном железнодорожном туннеле, и притом в таком месте, где уже не видно света начала, а свет конца настолько слаб, что взгляд то и дело ищет его и снова теряет, и даже в существовании начала и конца нельзя быть уверенным. А вокруг себя, то ли от смятения чувств, то ли от их обострения, мы видим одних только чудищ да еще, в зависимости от настроения и от раны, захватывающую или утомительную игру, точно в калейдоскопе. «Что мне делать?» или «Зачем мне это делать?» не спрашивают в этих местах.

Обыкновенная история

Обыкновенная история: вынести ее – обыкновенный героизм. А. должен заключить с Б. важную сделку. Он отправляется для предварительного собеседования в Г., проделывает путь туда и обратно за десять минут в один конец и хвастается дома этой особенной скоростью. На следующий день он снова отправляется в Г., на сей раз для окончательного заключения сделки. Поскольку на это потребуется предположительно много часов, А. отправляется ранним утром. Хотя все побочные обстоятельства, по крайней мере по мнению А., совершенно таковы же, как накануне, на дорогу в Г. у него уходит на этот раз десять часов. Когда он, усталый, прибывает туда вечером, ему говорят, что Б., рассердившись из-за отсутствия А., полчаса назад отправился в свою деревню и они, собственно, должны были встретиться на дороге. А. советуют подождать, но А., в страхе за сделку, тотчас же уходит и спешит домой.

На сей раз он проделывает обычный путь, не обращая на это особого внимания, прямо-таки в одно мгновение. Дома он узнает, что Б. ведь приходил уже рано утром – сразу после ухода А.; он даже встретил А. в дверях, напомнил ему о сделке, но А. сказал, что ему сейчас некогда, что он сейчас куда-то спешит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.